

Театр живота

«ШКОЛА ЧРЕВОВЕЩАТЕЛЕЙ» АЛЕХАНДРО ХОДОРОВСКИ

В ТЕАТРЕ САТИРЫ

приглашает ТАТЬЯНА ДЖУРОВА

БЕЛЬГИЙСКИЙ POINT ZERO, который в конце мая покажет «Школу чревовещателей» сначала в петербургском Театре сатиры на Васильевском, а потом в московском Театральном центре на Страстном, — темная лошадка. Гастроли не привязаны ни к каким фестивалям, то есть без должного продвижения рискуют обернуться полупустыми залами. Между тем этот брюссельский театр существует уже шестнадцать лет и успешно функционирует как международная лаборатория. Занимаются здесь исключительно авангардистами и уже поставили пятнадцать спектаклей, в том числе по Витольду Гомбровичу, По, Виткевичу, Пинтеру, Фассбиндеру, Фрешету. По словам режиссера Жана-Мишеля д'Опа, точкой отсчета для постановок Point Zero всегда является драматургия. То есть к каждой пьесе стараются подобрать свой формальный ключ, всегда новый и неожиданный.

В Россию Point Zero привозит премьеру, «Школу чревовещателей» Алехандро Ходоровски — визионера, мистика, заслуженного сюрреалиста, в свои восемьдесят сохранившего бунтарский запал. Как известно, писатель Ходоровски более плодovit, нежели кинорежиссер Ходоровски.

Ему принадлежат несколько романов, масса сказок-миниатюр, которые по мысли автора должны оказывать едва ли не психотропное воздействие. «Школа чревовещателей» это пьеса-притча с жестким ритмичным текстом, напоминающим шаманское камлание.

В спектакле не будет ни самосожжений, ни полуразложившихся трупов, ни гигантских костюмированных жаб, словом, не будет никакой патологической фактуры, за которую так любят фильмы Ходоровски. Все же театр — искусство ограниченных возможностей, особенно не полуразложись. Но авторы спектакля утверждают, что сохранили удушливую атмосферу кошмара и логику сюрреалистических превращений. Зрителям обе-

щают изобретательный трип в бессознательное, организованный при участии шести живых актеров, одного рок-басиста и двадцати кукол — от миниатюрных до гигантских человекоподобных. Кукол, между прочим, сделала художница из России Наталья Белова.

Сюжет примерно такой. Некто Селест то ли во сне, то ли наяву попадает на безлюдную улицу неизвестного города. Его кто-то преследует, но кто и за что, неизвестно, как у Кафки. Спасаясь, Селест попадает в школу чревовещателей, которой управляет Святейший Директор. Люди здесь отдают свои души куклам и становятся безвольными марионетками. Спектакль строится на принципе подмены живого неживым, превращения людей в кукол и наоборот. Актеры попадают внутрь кукольного чрева, куклы управляют людьми, а умелые иллюзионистские маневры кукловодов очеловечивают пластику марионеток. Даже если бельгийская «Школа чревовещателей» окажется типичной средневропейской артхаусной продукцией, местному театру все равно будет чему поучиться, а местным театрам будет на что посмотреть.

Театр сатиры на Васильевском острове, 21 и 22 мая, 19.00

Заречная на весенней улице

«ЧАЙКА» РИМАСА ТУМИНАСА И МАЛОГО ТЕАТРА ВИЛЬНЮСА

предчувствует ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

ПОД ЗАНАВЕС театральный фестиваль «Радуга» показывает главный номер своей программы — «Чайку», последний на сегодня спектакль Туминаса в вильнюсском Малом театре. Его премьера прошла в январе нынешнего года. В Петербурге Туминаса ждали в гости с осени 2006 года, когда он показал на «Балтийском доме» своих «Трех сестер». Ждали не обязательно с „Чайкой“, но непременно с Чеховым: режиссер нашел к нему какой-то особенно скрипучий и увесистый ключ, которым грех было бы не открыть еще какую-нибудь пьесу. Нашел он его не сразу: в Малом театре с 1990 года идет основательный «Вишневый сад», который на фоне более поздних работ кажется несколько прямолинейным, уже здесь можно рассмотреть начатки того, что с годами превратилось в гибельную эксцентрику. Потом Туминас надолго отошел от Чехова, но искать не перестал, а просто ставил других авторов с очевидно чеховскими мотивациями. К «Трем сестрам» (2005) ему наконец удалось нащупать интонацию, саднившую в каждой сцене и до сих пор не выветрившуюся из памяти.

Вроде бы Туминас ставит Чехова про то же, что и другие. Про быстротечность и мимолетность всего земного. Однако в его спектаклях нет вялой анемичности, с которыми тщету и бренность нередко связывают отечественные постановщики Чехова. У Туминаса все гораздо острее и больнее, он показывает начальную и конечную стадию процесса. Вот играет молодая кровь с молоком, а вот уже и виденье гробовое, стоп-кадр, мизансцена как выцветшая фотография из семейного архива. На сцене творится чистый цирк и радостное дуракаваляние, а из-под колосников свисает кладбищенская ограда. Memento mori Туминаса может выглядеть просто ватым, но лишь на бумаге, а в зале все по-другому; например, среди озоновой легкости «Трех сестер» под конец было почти невозможно дышать.

«Чайка» может оказаться их продолжением. Хотя бы потому, что в ней играют те же молодые ученики Туминаса. Они заметно повзрослели и теперь не делят сце-

ну с корифеями Малого театра, а солируют. Вполне можно ожидать повторения успеха 2006 года. Правда, теперь он будет восприниматься совсем по-другому. Тогда «Три сестры» смотрелись в Петербурге особенно выгодно на фоне острейшего чеховского дефицита. С тех пор хороших спектаклей по Чехову в городской афише прибавилось ровно на один, но стоящий многих: Кристиан Люпа поставил в Александрии как раз «Чайку», превратив ее в грандиозное философское исследование природы искусства и не утратив человеческого обаяния. Вопрос не в том, откроет ли нечто новое в пьесе Туминас, для которого главное это тонкость, кропотли-

вость, детализация. Вопрос — хватит ли у него масштаба развернуться не в одной лишь психологической проблематике — пьеса-то не столько про людей, сколько про творчество, она скорее про художественное, чем про человеческое.

Театр юного зрителя, 17 мая, 19.00